

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБРНАУКИ РОССИИ)**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИРИ РАН)**

117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Тел. (499) 126-94-66
ОГРН 1037739148259 ОКПО 02699346
ИНН/КПП 7728025081/772801001

21.04.2026 № 14105 – гисговет

На № _____

УТВЕРЖДАЮ:

И. о. директора

Института российской истории РАН
доктор исторических наук

_____ Д.Н. Гергилев

«21» апреля 2026 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) на диссертацию Суданца Бориса Маратовича «Идеологическое обоснование реформ в СССР в 1985–1991 гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Диссертация Б.М. Суданца посвящена важной и актуальной теме. Период «перестройки» (1985–1991 гг.) – недостаточно изученная, дискуссионная и сложнейшая для осмысления всей новейшей истории эпоха, от которой нас отделяет сравнительно небольшой по историческим меркам промежуток времени в 35–40 лет. Это было время трансформаций, попыток реформирования страны на фоне нараставшего кризиса, приведших в конечном итоге к распаду СССР и радикальным изменениям в экономической, политической и социальной сферах. Вопрос о том, в какой мере идеологический фактор, в том числе в контексте других факторов (экономических, внешнеполитических, психологических, личностных и др.) влиял на обоснование и реализацию реформаторской деятельности, остается в числе приоритетных. Тем более что реформирование

тогда сопровождалось спорами между сторонниками советской и рыночной модели развития.

Несмотря на обилие уже существующих исследований, вопросы о причинах, движущих силах и целях «перестройки», а также о причинах краха Советского Союза остаются предметом активных дискуссий. На эти важные вопросы пытается найти ответы Б.М. Суданц, который рассматривает процессы 2-й половины 1980-х гг. с точки зрения их идеологического обеспечения. Учитывая, что для тенденций того времени в политике, экономике, внешней политике была характерна высокая динамика, автор диссертации построил свою работу таким образом, чтобы проследить изменения, происходившие в идеологической сфере. В этом видится одно из важных достоинств его работы.

В центре внимания диссертанта находятся системные трансформации, произошедшие в Советском Союзе в период 1985–1991 гг. Предметом исследования выступает идейно-политическая динамика, в ходе которой партийно-государственная элита страны использовала новые концепции, идеи и дискурсы для легитимизации масштабных изменений во внутренней и внешней политике СССР.

В период руководства страной М.С. Горбачёвым (1985–1991 гг.) идеология в СССР действительно претерпела значительные изменения, связанные с политикой «перестройки» на разных ее этапах. Речь идет о частичном переосмыслении (а в ряде случаев – о фактическом отказе от) социалистических идей и подстраивании их под новые реалии (политика гласности, очищение от сталинского наследия и возвращение к Ленину, обращение к нэповским рыночным началам в экономике, отказ от руководящей роли КПСС в пользу многопартийности, демократизация Советов и выборной системы, и т.д.). Идеологического обоснования в условиях реформ потребовала заметная трансформация культурного пространства страны, ранее связанного с государственным атеизмом, социалистическим реализмом и классовыми трактовками в искусстве, борьбой с диссидентами, идеологическим контролем творческой деятельности, цензурой СМИ и т.д. Новый идеологический контекст

в период «перестройки» получило переосмысление советского прошлого. Идеологическая база потребовалась команде Горбачева для обоснования нового внешнеполитического курса (политика «нового мышления», прекращение «холодной войны», разрушение «железного занавеса» и др.)

Взявшись за исследование столь сложных проблем, автор продемонстрировал хорошее владение современными методами исследования, а также основательное знание обширной историографии по теме. Обращает на себя внимание, что историографический обзор в диссертации представляет собой не совокупность описаний или перечислений соответствующих работ, как это нередко встречается. Он выделяется в положительную сторону анализом рассматриваемых в литературе проблем, причем, автор выявляет неисследованные и дискуссионные вопросы, чтобы на них сконцентрировать свое внимание в диссертационной работе.

Следует специально отметить широкую и разнообразную источниковую базу диссертации, что является залогом обоснованности и научной значимости выводов автора. Исследование Б.М. Суданца выделяется новизной. Это связано в том числе с привлечением к решению задач диссертации и введением в научный оборот соискателем значительного массива архивных документов из федеральных (РГАНИ, ГАРФ, РГАСПИ) и ряда неправительственных архивов. Автор продемонстрировал умение работать с источниками. Более того, обращает на себя внимание то, что диссертация выгодно отличается сочетанием хорошо проработанной и доказательной фактологической базы, в основе которой лежит использование широкого круга источников, и концептуального взгляда автора на рассматриваемые проблемы.

Другой аспект научной новизны работы лежит в области историографии: исследование посвящено малоизученным аспектам «перестройки»; оно расширяет знания о принятии политических и экономических решений на государственном уровне, дает важную информацию о взаимоотношениях, в том числе противоборстве «элитных» групп в советском руководстве в 1985–1991 гг., и в целом вносит вклад в лучшее понимание процессов того времени.

В основе диссертации – хронологически-проблемный подход, который позволяет проследить динамику идеологических тенденций на разных этапах «перестройки». Структура диссертации представляется логичной и обоснованной, она соответствует сформулированным задачам работы. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

Во введении дается обоснование научной актуальности темы диссертации, анализ историографии проблемы, характеристика источниковой базы работы. Здесь же представлены теоретико-методологические основы исследования. Все это не вызывает возражений.

В первой главе диссертации рассматривается идеологическое обеспечение реформ Горбачева в начале «перестройки». Один из параграфов посвящен анализу под этим углом зрения концепции «ускорения» экономического развития. Соискатель показывает, как эта компромиссная в своей основе идея, призванная легитимировать системные изменения, сталкивалась с внутренними противоречиями: на том этапе традиционная коммунистическая фразеология и командно-административные методы доминировали над новыми подходами. Ограниченность политики «ускорения» в идеологическом плане привела к переходу на более радикальную концепцию «перестройки», которая предполагала глубокие преобразования в экономике и политике СССР, инкорпорируя ранее отвергавшиеся либеральные идеи в официальный дискурс. При этом, как справедливо отмечает диссертант, КПСС стремилась представить все эти нововведения как логическое развитие ленинского наследия, чтобы сохранить видимость ортодоксальности и преемственности курса. Эта смена идеологического вектора стала ключевым фактором в изменении официальной риторики и пропагандистских усилий руководства СССР.

Второй параграф первой главы посвящен рассмотрению кризиса советской внешнеполитической доктрины, который усугубился на фоне новой гонки вооружений с США, растущего социально-экономического отставания СССР от Запада, кризиса соцсистемы, утраты веры элит в коммунистические идеалы. В

ответ на эти вызовы команда М.С. Горбачева разработала идею «нового мышления». Целью этой концепции, как верно показано в диссертации, было обоснование перехода СССР к фактической политике уступок и компромиссов на международной арене, что позволило бы руководству страны снизить внешнюю угрозу и сосредоточиться на внутренних реформах.

В качестве идеологического обоснования «нового мышления» команда Горбачева сначала пыталась приспособить идеи «разрядки» и развитие миролюбивых принципов советской внешней политики (приверженность экономическому и гуманитарному сотрудничеству, поддержка антивоенного и антиядерного движения в мире и др.) Однако «разрядка» основывалась на взаимной заинтересованности СССР и США снизить накал международной напряженности, а в условиях «перестройки» ситуация выглядела иначе - односторонним шагом со стороны советского руководства, сдающего свои позиции. В западных политических элитах, которые мыслили категориями геополитики, «новое мышление» воспринималось как признак слабости. Однако в официальной риторике, опиравшейся в том числе на позитивный отклик на политику Горбачева в общественном мнении Запада, присутствовало поощрение «нового мышления» и призывы к его расширению со стороны СССР. Диссертант показывает, как «новое мышление» пошло дальше идей разрядки, что оно стало рассматриваться Горбачевым как принципиально новая альтернатива представлениям периода «холодной войны», основанным на противостоянии двух идеологически антагонистических систем. Как верно отмечено в диссертации, происходила деидеологизация внешней политики, на смену идеологическим установкам пришли «общечеловеческие ценности», в основе которых лежали принципы пацифизма и гуманизма.

Тем самым постепенно происходило вытеснение прежних советских внешнеполитических установок, сочетавших идеологическую доктрину, курс на расширение влияния СССР и социалистических идей в мире, а в геополитическом плане - отстаивание национальных интересов страны и недопущение одностороннего доминирования США и НАТО в мире. В диссертации верно

отмечается, что несмотря на сущность «нового политического мышления», руководство КПСС интерпретировало эту концепцию как современное развитие ленинской идеи «мирного сосуществования», что позволило на время обеспечить «новому мышлению» привлекательный образ в глазах советских граждан. Эта привлекательность исчезала по мере того, как СССР сдавал свои позиции в мире.

Во второй главе диссертации Б.М. Суданц рассматривает, как стратегия дискредитации партийных чиновников, и ранее служившая в СССР для обоснования кадровых изменений и перекладывания ответственности за трудности и провалы реформ, в условиях «перестройки» вышла из-под контроля и превратилась в опасную для государства идеологическую кампанию дискредитации советского прошлого. Соискатель верно отмечает, что политика «гласности», открыв доступ к обсуждению проблемных и ранее табуированных страниц советской истории, дала либерально настроенной интеллигенции возможность активно транслировать свою точку зрения. Нельзя не согласиться с тезисом автора диссертации о том, что в результате бурных политических дебатов компартия утратила контроль над общественными процессами в СССР. Таким образом, размытые границы допустимой критики, ослабление партийного контроля над СМИ, преобладание радикальных нарративов интеллигенции способствовали подрыву доверия к власти КПСС, обесцениванию коммунистической доктрины и огульной критике советского прошлого.

Далее в той же главе Б.М. Суданц удачно прослеживает попытки легитимировать радикальные реформы с помощью «исторической политики». Параллельно, для создания позитивного имиджа реформ Горбачева, его сторонниками была предложена концепция «истинного социализма», основанная на тотальной критике Сталина и времени его правления и возвращении к идеям В.И. Ленина и Н.И. Бухарина. Но ее искусственность и оторванность от реалий конца XX века, как обоснованно отметил автор диссертации, сделали ее неубедительной. В этих условиях альтернативой советскому социализму в идеологическом плане все чаще стал рассматриваться капитализм американского образца.

В третьей главе диссертации под названием «Углубление демократических преобразований в контексте новой идеологической парадигмы (1988-1990)» автор переходит к следующему этапу «перестройки». Он фокусируется на том, как партийное руководство прибегло к «теории конвергенции» для идеологического обоснования политических реформ. Реформаторы, смешивая западные и социалистические идеи, создали концепцию преобразований, призванную оправдать перестройку государственно-партийной системы на всех уровнях. Несмотря на заявления руководства страны об уникальности и преемственности своих идей, на практике политические идеи и реформы в основном черпались из западной либеральной доктрины, в то время как социалистический элемент оказался второстепенным. Диссертант приходит к обоснованному выводу, что КПСС, столкнувшись с невозможностью скрыть либеральный характер реформ за коммунистической риторикой, была вынуждена частично поддержать требования оппозиции, что привело к радикальному изменению вектора идеологического обоснования реформ.

Как верно отмечает Б.М. Суданц, КПСС в своей официальной риторике в конце «перестройки» стремилась совместить рыночные принципы с достоинствами социалистической экономики. В качестве примера успешной работы смешанной экономики поднимался на щит опыт НЭПа. Однако в 1920-е годы, в отличие от конца 1980-х годов, большевики «компенсировали» допущение «рыночной стихии» усилением своей политической власти, роли партии и государства, расширением полномочий ОГПУ по обеспечению безопасности государства. В условиях же перестроечных реформ партия и тесно связанные с ней государственные структуры, включая армию и спецслужбы, были подвергнуты остракизму, объявлены «сталинским наследием» и тем самым были идеологически и морально дискредитированы. В результате на практике, отмечает автор диссертации, попытка сочетать рыночные и плановые элементы привела к еще большим экономическим диспропорциям и скатыванию в глубокий кризис.

Четвертая глава диссертации носит название «Политическое банкротство коммунистической идеологии на фоне союзной дезинтеграции (1990–1991)». Она

посвящена исследованию формирования социал-демократической линии в КПСС как новой доминирующей партийной доктрины и одновременно - обновленного идеологического обоснования преобразований Горбачева на последнем этапе его реформаторской деятельности. Предполагалось, что новая теория заменит коммунистическое учение и разъяснит как народным массам, так и членам партии смысл и направленность трансформаций, приобретающих все более радикальный и отдаляющийся от социалистических идеалов характер.

Основа социал-демократической линии, по мнению автора диссертации, была заложена решениями июльского 1991 г. Пленума ЦК КПСС для последующего обсуждения и принятия новой Программы партии на ее XXIX съезде. Однако, как полагает Б.М. Суданц, ввиду политических последствий «августовского путча 1991 г.», приведших к фактическому запрету партии, КПСС не удалось легализовать переход на социал-демократические позиции.

В последней главе диссертации автор также анализирует в контексте идеологического обеспечения попытки реформирования государственного устройства СССР. Изначально речь шла о возвращении к ленинским принципам национальной политики. Однако, как справедливо полагает Б.М. Суданц, столкнувшись с ростом сепаратизма, в конце «перестройки» союзные власти ушли от апелляции к Ленину, перейдя к политическому «прагматизму» и отказавшись от коммунистических догматов ради сохранения таявшей власти. В этом ключе отхода от базовых принципов советской идеологии в диссертации рассматривается подготовка и содержание нового союзного договора. Новоогаревский процесс, по мнению диссертанта, создавал временную иллюзию возможности выхода из кризиса союзной государственности. Однако уступки Центра не остановили республики в их стремлении максимально ограничить его власть, что привело к навязыванию Горбачеву сначала конфедерации, а затем слабо интегрированного СНГ.

Заключение диссертации содержит выводы и обобщения, которые логически вытекают из основной части исследования и соответствуют поставленным

исследовательским задачам. Выводы и суждения автора являются тщательно обоснованными, аргументированными и в целом не вызывают возражений.

Отдельные моменты вызывают вопросы или требуют уточнения.

На с. 221 говорится, что «Съезд народных депутатов... действовал с 25 мая по 9 июня 1989 г.». Следует уточнить, что речь идет о первом собрании (съезде) народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик, поскольку сам СНД СССР как орган госвласти действовал до 1991 г.

На с. 235 со ссылкой на работу В. Зубока говорится, что «реализация на практике положений закона о государственном предприятии только ускорила упадок в народном хозяйстве». Нет ли противоречия с позитивной оценкой этого закона на следующей странице диссертации, где отмечается: данным законом «готовилась почва для введения рыночного ценообразования в согласовании с принципом спроса и предложения», а госпредприятия превращались «в автономную коммерческую организацию»?

Говоря о старте кооперативного движения в стране, автор ссылается на постановление Совмина СССР от 05.02.1987 г. № 162. Однако первый документ по данному вопросу был принят еще в августе 1986 г.

Вряд ли стоит приравнивать кооператив периода «перестройки» к «независимой корпоративной коммерческой организации» (с. 243) – хотя бы с точки зрения принципов формирования, структуры управления и ответственности участников в кооперативах и корпорациях. В этой связи автору диссертации, на наш взгляд, следовало бы уделить больше внимания (с позиций идеологического обеспечения) кооперативной деятельности в СССР в рассматриваемый период, поскольку, помимо развития предпринимательской деятельности и формирования основ рыночного поведения, кооперативы сыграли в тех условиях весьма противоречивую роль, о чем есть немало исследований.

На с. 242 говорится, что «создание кооперативных банков было только начальным этапом масштабной банковской реформы, формально стартовавшей после июньского пленума 1987 г.». В действительности начальный этап банковской реформы по итогам решений июньского 1987 г. Пленума ЦК КПСС

состоял пока что в создании государственных специализированных банков. О кооперативных же банках речь тогда не шла, ввиду отсутствия на тот момент соответствующей правовой базы.

Отдельные замечания не снижают общий высокий уровень диссертационного исследования Б.М. Суданца. Диссертация является оригинальным исследованием, написанным автором на актуальную тему, она обладает внутренним единством, содержит новые, значимые научные результаты, выходящие на проблематику причин кризиса и распада СССР. Положения и выводы, сформулированные в диссертации, отличаются достоверностью, они прошли апробацию и представлены в целом ряде научных публикаций. Автореферат отражает основное содержание диссертации.

В целом представленная диссертация и подготовленный на ее основе автореферат соответствуют заявленной специальности и в полной мере отвечают критериям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 25 января 2024 г.), а ее автор Суданц Борис Маратович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Отзыв подготовлен старшим научным сотрудником Института российской истории РАН, кандидатом исторических наук Р.Г. Кирсановым.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Центра изучения новейшей истории России и политологии ИРИ РАН 14 апреля 2026 г., протокол № 9.

Руководитель Центра изучения
 новейшей истории России и политологии
 Института российской истории РАН
 доктор исторических наук

С.В. Журавлев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)
 Почтовый адрес: 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
 Телефон: (499) 126-94-49
 Сайт: iriran.ru
 Адрес электронной почты: iriran@mail.ru

